

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький
Король, который высоко
держит свое знамя
Серия «Мои интервью», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=628935

Аннотация

«...Слуга, вооружённый длинной саблей и украшенный множеством пёстрых орденов, провёл меня в кабинет его величества и встал у двери рядом со мной, не спуская глаз с моих рук...»

Максим Горький

Король, который высоко держит свое знамя

...Слуга, вооружённый длинной саблей и украшенный множеством пёстрых орденов, провёл меня в кабинет его величества и встал у двери рядом со мной, не спуская глаз с моих рук.

Король отсутствовал, и я принялся внимательно осматривать лабораторию, в которой великий человек творил дела свои, удивлявшие весь мир. Кабинет его величества представлял собою комнату длиною футов в двести и шириною не менее ста футов.

Потолок был сделан из стекла. У левой стены находился огромный бассейн, в котором плавали модели военных судов. По стене тянулись полки, и на них симметрично стояли маленькие фигурки солдат, одетые в разнообразные формы. Правая стена была сплошь занята мольбертами, на которых стояли начатые картины, а перед ними в пол были вделаны большие куски чёрного дерева и слоновой кости, расположенные в порядке клавиатуры рояля.

Всё остальное тоже было величественно.

– Послушайте, мой друг, – обратился я к лакею.

Но он громыхнул саблей и возразил:

– Я церемониймейстер...

– Очень рад, – сказал я, – но объясните мне...

– Когда его величество выйдет и поздоровается с вами, – что вы ему скажете? – спросил он, прерывая меня.

– «Здравствуйте!» – ответил я.

– Это будет дерзко! – внушительно предупредил он меня и стал учить, как нужно отвечать королю.

Его величество вошло крепкими шагами существа, уверенного, что дворец его построен прочно. Величию осанки его величества очень способствует то, что оно не сгибает ноги, держа руки по швам, не двигает ни одним членом. Глаза его тоже неподвижны, какими и должны быть глаза существа прямолинейного и привыкшего смотреть в будущее.

Я поклонился ему, мой спутник отдал честь, его величество милостиво пошевелило усами.

– Чем я могу осчастливить вас? – спросило оно торжественным голосом.

– Я пришёл, чтобы испить несколько капель бессмертной влаги из океана вашей мудрости, ваше величество! – ответил я, как меня научили.

– Надеюсь, я не стану после этого глупее? – остроумно заметил король.

– Это невозможно для вас, ваше величество! – почтительно поддержал я его тонкую шутку.

– Так будем говорить! – сказал он. – С Королями следует говорить стоя, но вы можете сесть... если это вас не стесня-

ет...

Я быстро привыкаю к новым положениям и потому – сел. Его величество молча подняло плечи и опустило их. Когда король говорит, я заметил, что язык у него двигается, всё же остальное хранит величавую неподвижность. Оно сделало два шага одинаковой меры в сторону от меня и продолжало, стоя среди комнаты подобно монументу:

– Итак, вы видите перед собой Короля, то есть Меня. Не каждый может сказать о себе: я видел Короля! Что вы хотите знать?

– Как вам нравится ваше ремесло? – спросил я.

– Быть Королём – не ремесло, а призвание! – внушительно сказало оно. – Бог и Король – два существа, бытие которых непостижимо умом.

Оно подняло руку вверх, вытянув её вертикально, в одну линию с туловищем, и, указывая пальцем в стекло потолка, продолжало:

– Это сделано для того, чтобы бог всегда видел, что делает Король. Только бог понимает Короля, только он может контролировать Его... Король и бог – творцы. Раз! Два! И бог создал мир!.. Р-раз! Два! Три! И мой дед создаёт Германию. А я – совершенствую её. Я и верноподданный моих предков, некто Гёте, – мы, пожалуй, больше всех сделали для немцев. Может быть, я даже немного более, чем Гёте. Во всяком случае, я несомненно разнообразнее его. Его Фауст, в конце концов, просто человек сомнительной нравственности. Я

показал миру бронированного Фауста. Это было понято всеми и сразу, чего нельзя сказать о второй части книги Гёте. Да...

– Вы много времени посвящаете искусству, ваше величество? – спросил я.

– Всю жизнь! – сказал он, – всю жизнь. Управлять народом – труднейшее из искусств. Чтобы постичь его в совершенстве, нужно знать всё. Я – всё знаю! Поэзия – стихия Королей. Нужно видеть меня на параде, чтобы понять, как я влюблён во все прекрасное и стройное. Истинная поэзия, скажу вам, это поэзия дисциплины. Её можно понять только на параде и в стихах. Полк солдат – вот поэма! Слово в строке стиха и солдат в строю – это одно и то же... Сонет – это взвод слов, имеющий целью атаку вашего сердца. В штыки! И в сердце вам вонзается ряд красивых созвучий. Пли! И ваш ум прострелен десятком метких слов... Стихи и солдаты – это одно и то же, говорю вам. Король – первый солдат страны, он её божественное слово, он же и первый поэт её... Вот почему я так прекрасно марширую и легко владею стихом... Смотрите. Марррш!

Его левая нога немедленно поднялась кверху, и вслед за нею правая рука взлетела на уровень плеча.

– Смирррно! – скомандовал король. Нога и рука моментально заняли свои места. Он продолжал:

– Это называется свободной дисциплиной членов. Она действует независимо от сознания. Взмах ноги уже сам под-

нимает руку – раз! Мозг здесь не играет никакой роли. Это почти чудесно. Вот почему лучший солдат тот, у которого мозг совершенно не действует. Солдата приводит в движение не сознание, а звук команды... Марррш! Он идет в рай, в ад, куда угодно. В штыки! Он колет своего отца, – если его отец социалист, – мать, брата... это всё равно! Он действует, пока не услышит – стой! Изумительно величественны эти действия без мысли!..

Он вздохнул и продолжал всё тем же ровным и крепким голосом:

– Может быть, я создам идеальное государство... Я или один из моих потомков. Для этого нужно только, чтобы все люди в стране почувствовали красоту дисциплины. Когда человек совершенно перестанет думать, Короли будут велики и народы счастливы. Денег! – командует Король. Все верно-подданные выстраиваются в ряд... Раз! – Сорок миллионов рук молча опускаются в карманы. Два! – Сорок миллионов рук протягивают Королю по десяти марок каждая. Три! – Сорок миллионов рук отдают Королю честь, и затем люди молча идут к своим трудам. Разве это не прекрасно? Вы видите, для счастья людей не нужен мозг: за них думает Король. Король способен охватить всю жизнь... К этому я и стремлюсь... Но пока я один понимаю роль Короля так глубоко... Не все Короли ведут себя достойно сану. Родные по крови, они не всегда братья по духу. Они должны объединиться все в одну силу. Это очень легко сделать именно сейчас. Сле-

дует обратить больше внимания на социализм: в нём есть нечто полезное для Королей. Красный призрак социализма наводит ужас на всех порядочных людей земли. Он хочет пожрать душу культурного общества – его собственность. Короли объединяют всех и всё для борьбы с этим чудовищем и становятся во главе, как древние вожди. Нужно способствовать развитию страха перед социализмом. И, когда общество обезумеет, Короли встанут во весь рост. Прошло время, когда Короли давали конституции, – пора уже брать их назад!

Он перевёл дух и продолжал; я слушал его и задыхался... от наслаждения мудростью.

– Вот программа всякого Короля наших дней! И, когда мой военный флот будет достаточен для того, чтобы предложить эту программу всем Королям Европы, я уверен, они примут её... А пока я занимаюсь мирным, культурным трудом, совершенствую мой добрый народ. Я овладел всеми искусствами и поставил их на караул к идее божественного происхождения власти Короля. Вы видели мою «Аллею Победы»? В ней муза скульптуры показывает немцам, как много было на земле Габсбургов и Гогенцоллернов. Человек, который дважды пройдёт по этому месту взад и вперёд – раз-два! раз-два! – уже знает, что все мои предки были великие люди. Это пробуждает в нём гордость Королями своей страны и незаметно делает из него искреннего поклонника королевской власти. Со временем я поставлю статуи предков на всех улицах моих городов. Человек увидит, как много было

Королей в прошлом, и тогда признает, что и в будущем ему не обойтись без этого. Скульптура полезна людям, но я первый показал это с такой силой!

– Ваше величество, – спросил я, – почему у большинства ваших предков кривые ноги?

– Их всех делали в одной и той же мастерской надгробных памятников. Но это никому не мешает видеть величие их духа. А вы слышали мою музыку? Нет? Я покажу вам, как я её делаю.

Он величаво сложил своё прямолинейное тело в форму штыка, сел на стул и, протянув ногу, сказал слуге, который ввёл меня:

– Граф! Помогите мне снять сапоги. Так... И носки... Благодарю! Хотя Король не обязан благодарить подданных за услуги... это делается им из вежливости!

Завернув брюки до колен, он согнул шею под углом в сорок пять градусов и внимательно осмотрел свои ноги.

– Я прикажу отлить их из бронзы ещё при жизни моей! – сказал он. – Пусть отольют несколько десятков экземпляров для будущих статуй. Ноги Короля должны быть прямы, это верно. Кривые, они могут внушить мысль о несовершенстве Короля.

Он подошёл к правой стене, взял в руки кисть и, сделав пол-оборота налево, продолжал:

– Музыка и живопись я занимаюсь в одно время. Смотрите: в пол вделаны клавиши, а инструмент под полом. Но-

ты записывает механический аппарат, тоже скрытый под полом. Я рисую картину – раз! – Он провёл кистью по полотну одного из мольбертов.

– И топаю ногой по клавишам – два! – Раздался очень сильный звук.

– Вот и всё! – сказал он. – Это очень просто и сохраняет время, которого у Королей всегда мало. Бог должен бы удваивать годы земной жизни вождей народа. Мы все так искренно преданы работе для счастья наших подданных, что вовсе не спешим променять это дело на радости жизни вечной... Но я всё отвлекаюсь. Мысли Королей текут неустанно, как воды рек. Король обязан думать за всех подданных, и, кроме него, никто не должен делать это... если ему не приказано властью... Теперь я познакомлю вас с новой пьесой... Я только вчера натопал её...

Он взял лист нотной бумаги и, водя по нему пальцем, рассказывал:

– Вот шеренга нот среднего регистра... Видите, в каком строгом порядке стоят они? Тра-та-там. Тра-та-там. На следующей линейке они идут в гору, как бы на приступ!.. Идут быстро, рассыпанной цепью... Ра-та-та-та-та! Это очень эффектно. Напоминает о коликах в желудке, потом вы узнаете – почему. Далее, они снова выравниваются в строго прямую линию по команде этой ноты – бумм! Нечто вроде сигнального выстрела... или внезапной спазмы в животе. Здесь они разбились на отдельные группы... десятки ударов! треск ко-

стей!.. Эта нота звучит всё время непрерывно, как боль вывиха. И, наконец, все ноты дружным натиском в одно место – рррам! ррата-там! Бум! Здесь полный беспорядок в нотах, но это так нужно. Это – финал, картина всеобщего ликования...

– Как называется эта штука? – спросил я, сильно заинтересованный описанием.

– Эта пьеса, – сказал король, – эта пьеса называется: «Рождение Короля». Мой первый опыт проповеди абсолютизма посредством музыки... Неглупо? А?

Он, видимо, был доволен собой. Его усы шевелились очень энергично.

– Среди моих подданных было несколько недурных музыкантов и до меня, но теперь я решил сам заняться этим делом, чтобы все плясали только под мою музыку.

Он пошевелил усами, очевидно, с намерением улыбнуться и, сделав пол-оборота направо, продолжал:

– Теперь смотрите сюда... Как вы думаете, что это такое?

На огромном полотне ярко-красной краской было написано чудовище без головы и со множеством рук. В каждой из них были пучки молниевидного огня. На одном пучке чёрными буквами было написано: «Анархия», на другом: «Атеизм», третий носил название: «Гибель частной собственности», четвёртый: «Зверство»... Чудовище шагало по городам и селам, всюду разбрасывая огненные молнии и зажигая пожары. Маленькие чёрные люди в смятении и ужасе бежали

прочь от него, а сзади чудовища шли ликующей толпой красные люди. Они были без глаз и с ног до головы обросли огненно-рыжей шерстью, подобно гориллам. Художник не пожалел красной краски. Картина поражала глаза своей величиной.

– Ужасно? – спросил король.

– Ужасно! – согласился я.

– Это как раз то, что нужно, – сказал он, и его глаза сделали полный оборот справа налево. – Вы, конечно, поняли мою идею? Ну да, – это социализм. Видите, у него нет головы, он сеет пороки, распространяет анархию и делает людей животными. Ясно, что это социализм. Вот что значит – работать энергично! В то время как нижняя половина моего тела утверждает идею власти Короля, верхняя занята борьбой с главным врагом этой власти. Никогда ещё искусство не исполняло своего долга так ревностно, как в моё царствование!

– Но ценят ли подданные тяжёлые труды вашего величества? – спросил я.

– Ценят ли они меня? – переспросил он, и в голосе его мне послышалась усталость. – Должны бы. Я создал им десятки броненосцев, застроил целые улицы скульптурой, делаю музыку и картины, служу литургии... Но... Иногда мне приходит в голову грешная мысль... Мне кажется, что подданные, которые любят меня, – глупы, а умные – все социалисты. Есть ещё либералы. Но, как всегда, либералы слишком многого хотят для себя и слишком мало оставляют Ко-

ролю, хотя тоже ничего не дают народу. Вообще, они только мешают. Лишь абсолютная власть Короля может спасти народ от социализма. Но, кажется, никто не понимает этого...

Он сложился в двух местах правильными углами и сел. Его глаза задумчиво перекатывались в орбитах слева направо, и по всей фигуре разлилась меланхолия. Видя, что он утомился, я поставил ему мой последний вопрос:

– Что ещё скажете вы, ваше величество, по вопросу о божественном происхождении королевской власти?

– Всё, что угодно! – быстро отозвался он. – Прежде всего, она непоколебима, и только она одна истинна, ибо она – чудесна! После того, как миллионы народов на протяжении тысяч лет признавали над собой неограниченную власть одного человека, – только одни идиоты могут отрицать её... это ясно. Я – Король, да, но – я человек, и если я вижу, что люди подчиняются моей воле, я должен признать это чудом... не правда ли? Не могу же я предположить, что именно эти миллионы сплошь состоят из идиотов! Щадя их самолюбие, я хочу думать, что они-то и есть умные люди. Я был бы плохим Королём, если бы думал так дурно о моих подданных. И так как только бог может творить чудеса, ясно, что я избран им для доказательства его силы и моих достоинств. Что можно против этого возразить? Именно здесь скрыта истина, и она тверда, подобно алмазу, потому что за неё большинство...

В его глазах появился влажный блеск удовольствия, но он быстро погас, и его величество вздохнуло, подобно машине

военного корабля, выпускающего отработанный пар.

– Не смею задерживать более ваше величество! – сказал я, поднимаясь со стула.

– Хорошо! – милостиво сказал мне вождь великого народа. – Прощайте. Желаю вам... чего бы пожелать вам наиболее приятного? Н-но, желаю вам ещё раз в жизни видеть Короля!

Он величаво опустил нижнюю губу и милостиво поднял усы. Я принял это за его поклон и отправился в Зоологический сад посмотреть на умных животных...

Иногда, после беседы с человеком, так страстно хочется дружески приласкать собаку, улыбнуться обезьяне, почтительно снять шляпу перед слоном...